

Съезд народных депутатов России: неоптимистическая трагедия парламентаризма¹

Как известно, российская история отличается высокой степенью парадоксальности. В свое время об этом писал еще П. Чаадаев. С тех пор парадоксальность отечественного исторического процесса не только не уменьшилась, но, скорее, возросла. Возросла, прежде всего, благодаря обилию революций и «антиреволюций», в условиях которых парадоксы в любой стране преумножаются многократно. Забегая вперед, замечу: именно в таких условиях – сначала революционной ситуации, а затем и революции как исторической ситуации – работал Первый Съезд народных депутатов России. Понимая, что вызову критику, позволю себе отметить лишь три парадокса работы съезда и его исторической судьбы.

1. В начале 1990-х гг. в политической культуре и средствах массовой информации господствовало мнение, согласно которому Съезд народных депутатов и Верховный Совет – это не парламент, а несовместимое с парламентаризмом наследие «проклятого» советского прошлого. Однако берусь утверждать: Съезд народных депутатов России и созданный им Верховный Совет был наиболее сильным парламентом, по крайней мере, в постсоветской истории, а далее парламентаризм в стране развивался по нисходящей линии.

2. При формальной однопартийности Съезд народных депутатов России де-факто был многопартийным парламентом. Напротив, в настоящее время российская политическая система вернулась к ситуации, когда при формальной многопартийности парламент де-факто стал однопартийным. Точнее, страна получила формально многопартийную систему с монопольно господствующей партией. Как заметил «классик» отечественной политической афоризматики В. Черномырдин, в России какую правящую партию ни создавай – все равно КПСС получается.

3. На долю Съезда народных депутатов России выпало сразу три роли. Он стал одновременно продуктом надвигающейся революции, средством ее эскалации, а затем – ее предопределенной жертвой.

Первый из выдвинутых тезисов нуждается в наиболее подробной аргументации. Начну с того, что выборы народных депутатов в марте 1990 г. были, на мой взгляд, самыми свободными за последние 20 лет. Убедился в этом на личном опыте, пройдя пять выборных циклов по одномандатному округу и один – по партийному списку КПРФ.

В начале 1990-х в условиях складывающейся революционной ситуации административная «вертикаль» оказалась ослабленной, электронные и печатные СМИ вышли из-под контроля правящей элиты, а главное – часть самой этой элиты отказалась от прежних идеологических установок и просчитала собственные перспективы в связи с предстоящей приватизацией. Вследствие таких обстоятельств рядовой доцент мог победить «губернатора», как это произошло со мной. В настоящее же время нечто подобное выглядит абсолютной политической фантастикой.

Как это обычно и бывает, свободные выборы дали сильный парламент.

Далее. Главным аргументом в пользу идеологизированных представлений, сторонники которых пытались доказать, будто Съезд и Верховный Совет вообще нельзя назвать парламентом, была ссылка на то, что советская система якобы исключает принцип разделения властей. Однако это утверждение, по меньшей мере, спорно по трем причинам.

Во-первых, в Конституции РСФСР (а затем – РФ) до конца работы первого Съезда народных депутатов действительно сохранялась 104 статья, которая утверждала, что Съезд вправе принять к рассмотрению и решить любой вопрос. Однако – утверждаю это

¹ Материал подготовлен на основе выступления автора на юбилейной научно-практической конференции, посвященной 20-летию со дня начала работы Первого Съезда народных депутатов РСФСР (15 мая 2010 г., Большой зал РАН)

как народный депутат России 1990 – 1993 гг. – на практике эта статья не была применена ни разу, по умолчанию считалась недействующей. При решении конкретных вопросов и сам Съезд, и президентско-правительственные структуры, и Конституционный суд неизменно опирались на иные статьи основного закона.

Во-вторых, именно в наиболее развитой из известных демократических систем – парламентской – принцип разделения властей не рассматривается в качестве абсолютного. Так, например, в Великобритании при этой системе парламентарии от победившей партии или коалиции становятся членами Правительства, не утрачивая депутатского статуса. В России этот принцип применялся как раз при советской системе, тогда как после ее ликвидации был, что называется, вывернут наизнанку: в Совете Федерации II созыва (т.е. в «Палате регионов» Федерального Собрания России) по должности заседали губернаторы.

В-третьих, в Европе нового времени теория разделения властей была создана в политической науке именно для того, чтобы обосновать создание (или усиление) законодательной власти, и тем самым ограничить власть исполнительную (как правило, в лице абсолютного монарха). Напротив, в постсоветской России теория разделения властей была использована прямо противоположным образом, а именно, чтобы ослабить законодательную власть, максимально передав ее полномочия власти исполнительной в лице Президента, и тем самым создавая своеобразный президентский «абсолютизм».

Хорошо помню, как народный депутат О. Румянцев при принятии поправок к Конституции, вводящих президентскую систему, заметил, что в России эта система представляет собой смесь французской модели с латиноамериканской. Соглашаясь с этим мнением, хочу добавить: по мере нисходящего развития отечественного парламентаризма, французского в нашей модели становилось все меньше и меньше.

Другими словами, призывы «разделить власть» скрывали желание ее еще более сконцентрировать. В настоящее время успех этого замысла превзошел все ожидания. Согласно меткому замечанию одного из известных политических журналистов, в России больше нет не только четвертой власти, но также второй и третьей.

После принятия Конституции 1993 г., происходившего фактически в условиях государственного переворота (именно так определил действия Б. Ельцина Конституционный суд) и чрезвычайного положения новый российский двухпалатный парламент (в отличие от Съезда народных депутатов и Верховного Совета) оказался, как минимум, пятикратно «поражен в правах» – юридически и практически. Начнем с юридической стороны дела.

Во-первых, российские парламентарии, по крайней мере, дважды ограничены в праве законодательной инициативы. С одной стороны, согласно статье 104 Конституции РФ, «законопроекты о введении или отмене налогов, об освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет Федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства РФ».

До принятия Федерального конституционного закона «О Правительстве» сроки предоставления официальных заключений на проекты Федеральных законов нигде не оговаривались, и таких заключений приходилось ждать многими месяцами. К тому же документы, направляемые из Правительства в Парламент, нередко именовались не заключениями, а замечаниями (либо отзывами) Правительства РФ на такой-то законопроект. Это давало представителю Президента право утверждать на пленарных заседаниях Госдумы, что закон принимается в нарушение 104 статьи Конституции. В настоящее время срок представления Правительством РФ заключений на законопроекты установлен законодательно, однако эта норма нарушается едва ли не с прежней регулярностью.

Другое ограничение права законодательной инициативы состоит в том, что проект Федерального бюджета на очередной год, в котором выражена квинтэссенция

экономической и социальной политики государства, не может быть внесен в Госдуму никем, кроме Правительства. Следовательно, парламентским комитетам волей-неволей приходится выбирать варианты его частичного исправления, а то и просто ретуширования правительственного экономического курса вместо того, чтобы предложить ему принципиальную альтернативу. Попытки некоторых политических сил («Яблоко», Народно-патриотический союз России, «Справедливая Россия» и др.) предложить Парламенту альтернативные проекты бюджетов по преимуществу были PR-акциями и по Конституции не имели шансов быть рассмотренными Госдумой.

Во-вторых, согласно действующей Конституции, российский Парламент не наделен правом официального толкования не только основного закона страны, но также федеральных конституционных законов и федеральных законов. В парламентской практике более или менее развитых стран подобная ситуация – крайняя редкость. По общему правилу, официальное толкование законов дают те, кто их принимает. В России же этим правом наделен лишь Конституционный суд, а фактически законы долгое время трактовались Президентом и его окружением, причем сплошь и рядом совершенно произвольно. Конституционный же суд в лучшем случае подтверждал либо опровергал президентскую трактовку по запросам Парламента, иногда спустя многие годы. Так было, например, с запросом о правомерности действий Президента Б. Ельцина в период первой Чеченской войны, когда Конституционный суд, за исключением четырех его членов, к удивлению всей страны признал, что Президент действовал в пределах своих полномочий.

Излишне говорить о том, что попытки депутатов Госдумы ввести в различные законопроекты нормы о праве Парламента толковать принимаемые им законы неизменно отклонялись Президентом России.

В-третьих, ни российский Парламент в целом, ни Государственная Дума – в частности, не наделены правом контролировать исполнение законов. В мировой парламентской практике подобная ситуация также должна быть признана уникальной. В условиях сколько-нибудь демократической системы контрольная функция входит, так сказать, в «джентльменский набор» полномочий любого законодательного органа. В свое время автор этих строк входил в число разработчиков поправки к статье 102 Конституции РФ, предполагавшей наделение контрольными функциями Совета Федерации. Однако эта попытка расширить полномочия Парламента, как и все другие, закончилась ничем.

Шаги в сторону создания системы парламентского контроля за деятельностью исполнительной власти были сделаны лишь при президенте Д. Медведеве. Принятые по его предложению изменения Конституции относят к полномочиям Государственной Думы «заслушивание ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой»².

Помимо этого пункт "а" части 1 статьи 114, определяющей полномочия правительства, изложен в следующей редакции:

"а) разрабатывает и представляет Государственной Думе федеральный бюджет и обеспечивает его исполнение; представляет Государственной Думе отчет об исполнении федерального бюджета; представляет Государственной Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой»³.

При всей юридической важности конституционных поправок, в настоящее время практического значения - да простится мне тавтология – они практически не имеют. Поскольку Председатель правительства является беспартийным лидером партии, имеющей более двух третей голосов в Госдуме и абсолютное большинство в Совете Федерации, реально не парламент контролирует правительство, но, напротив, правительство посредством абсолютно управляемой партии контролирует парламент.

² Закон о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ

³ Там же

Таковы три главных юридических ограничения российского парламентаризма. Однако существуют еще, как минимум, два ограничения фактических.

1. Еще до того, как возникла псевдомногопартийная система с монопольно господствующей партией, за редким исключением, российский Парламент не был в состоянии добиться того, чтобы законопроект стал законом без согласия Президента. Президент же в абсолютном большинстве случаев отклонял законы, направленные на защиту социальных прав граждан.

Согласно Конституции 1993 г., для того, чтобы преодолеть вето Президента, требуются две трети голосов в обеих палатах Парламента. Причем кривая частоты случаев такого преодоления неизменно шла вниз с каждым новым составом Государственной Думы и Совета Федерации. Наиболее высокие показатели в этом отношении имеет Федеральное Собрание созыва 1993-1995 гг., когда не только Госдума, но и Совет Федерации избирались непосредственно населением страны. Именно в этот период путем преодоления президентского вето был принят целый ряд законов, с помощью которых депутаты пытались установить дополнительные социальные гарантии для отдельных категорий граждан в качестве своеобразной «подушки безопасности», смягчающей удары невиданного по глубине и длительности в истории мирного времени экономического кризиса.

Второму составу Федерального Собрания преодолевать вето Президента удавалось гораздо реже, ибо, во-первых, вопреки мифам о прокоммунистической Думе, общее число депутатов фракции КПРФ и союзных ей Агропромышленной группы и группы «Народовластие» никогда не достигало простого большинства, не говоря уже о двух третях, а, во-вторых, состоящий из региональных лидеров Совет Федерации второго созыва был много более управляемым (чем выборный) с помощью «кнута и пряника» бюджетных трансфертов или отказа от их предоставления регионам.

В Госдуме третьего созыва кривая частоты преодоления президентского вето падает до нуля. В Госдуме четвертого и пятого созывов правящая партия обладает двумя третями голосов, достаточными до преодоления вето Президента и проведения тем самым самостоятельной внутренней и внешней политики. Однако ситуация изменилась настолько, что подобным образом вопрос никем и никогда не ставился.

Конституционная норма о преодолении вето Президента двумя третями голосов обеих палат Парламента в мировой практике отнюдь не уникальна. «Национальная специфика» отечественной политической системы состоит в другом: как иногда говорят, на Западе победившая на выборах партия формирует Парламент, а затем Правительство, а в России Правительство (точнее, администрация Президента) формирует парламентское большинство, а затем партию, побеждающую на следующих выборах. Такая инверсия политического процесса является одной из главных причин неполноправного положения отечественного Парламента в системе разделения властей.

2. В 1990-х гг. даже в тех случаях, когда в обеих палатах Парламента набирались необходимые для преодоления вето две трети голосов, долгое время «гаранта Конституции» было невозможно заставить исполнить ее элементарное требование – подписать соответствующий закон. В ход шли регламентные ухищрения: депутатов обвиняли то в неоднократном возвращении к голосованию по одному и тому же вопросу, то в неточности формулировок при постановке его на голосование, то в голосовании бюллетенями «не такими, как надо», то вообще считали «по головам». При этом не помню ни одного случая, когда бы подобный «поголовный учет» проводился при рассмотрении в зале законопроектов, внесенных Президентом либо Правительством. Зато эта сомнительная процедура каждый раз пускалась в ход, когда Парламент пытался преодолеть вето Президента либо рассматривал «неудобный» для него Федеральный конституционный закон. Понятно, что в Государственной Думе четвертого и пятого созывов необходимость в подобной практике отпала, однако невозможно исключить ее

возобновление в случае изменения расклада политических сил в одном из следующих составов палаты.

Подводя итоги сказанному, следует заметить, что при действующей Конституции и существующей политико-юридической практике российская Государственная Дума никак не может претендовать на статус ведущей палаты полноценного Парламента. Соответственно, и российский политический режим, согласно азбуке политической науки, никак не может характеризоваться как режим демократический, но в лучшем случае – как авторитарно-демократический, т.е. авторитарный – по существу, демократический – по форме легитимации власти. Политическая наука, включая ее классика Макса Вебера, давно выработала для подобных режимов специальный термин – мнимый конституционализм. В публицистическом плане он может быть назван режимом рудиментарной демократии.

В начале 1990-х лишь очень немногие из народных депутатов России могли представить себе, что спустя неполных 15 лет российский парламент перестанет быть местом для дискуссий. Почти никто не предсказывал и формирования модели так называемой управляемой или суверенной демократии, которую, быть может, правильнее было бы назвать «суверенно управляемой» демократией. Между тем, такая логика развития событий вытекала из характера исторической ситуации, о чем речь пойдет ниже.

Второй тезис относится к развитию в нашей стране партийных систем. Как известно, почти девять из каждых десяти (точнее, 86%) народных депутатов России формально были членами КПСС. Однако коммунисты по убеждениям оказались среди них «в подавляющем меньшинстве». В составе депутатов Съезда был представлен весь спектр политических взглядов – от леворадикальных консерваторов до праволиберальных радикалов. Для любой партии это может служить уроком того, что объединять людей следует по убеждениям, а не на основе единства карьерных устремлений - в противном случае риск повторить судьбу КПСС становится совершенно реальным.

Похоже, однако, что вновь созданная в России «партия власти» такого урока не извлекла. В этой связи вспоминается известная шутка В. Путина о намерении после окончания срока президентских полномочий возглавить в России оппозиционную партию. Легко себе представить, что в этом случае произошло бы с правящей «Единой Россией», покинутой ее беспартийным лидером. Жаль, что подобный сюжет возможен разве что в политическом триллере, но не наяву.

Фактически на Съезде народных депутатов, а затем в Верховном Совете под именем групп и фракций сформировались политические мини-партии. Расстрел же парламента привел к уничтожению зачатков многопартийности. Этот процесс возобновился «с чистого листа» и, так или иначе, развивался в Государственной Думе первых трех созывов. Однако в четвертой и пятой Думах при помощи административного ресурса сформирована формально многопартийная система с монопольно господствующей партией. При этом не только отечественная многопартийность, но и властные полномочия правящей партии во многом имеют формальный характер: эта партия выступает не как источник власти, но как ее «приводной ремень». Не зря зарубежные политологи утверждают: при обычной демократии партия власти – это партия, которая имеет власть; а при «суверенно управляемой» демократии – это партия, которую имеет власть. В период Первого Съезда народных депутатов России мало кто прогнозировал подобный исход процессов демократизации в стране, хотя, как увидим ниже, при политико-ситуационном подходе он представлялся наиболее вероятным.

Наконец, тезис третий. Ключ к пониманию исторической судьбы первого постсоветского парламента дает теория революции как исторической ситуации. Специальный анализ показывает, что ситуация такого типа характеризуется определенным набором признаков и закономерностей. Среди них:

- серия множественных катастроф;
- глобальное отрицание;

всеобщий конфликт;
аномия (в дюркгеймовском смысле);
праздник (в культурологическом значении);
ремифологизация массового сознания;
смена революционной демократии постреволюционным авторитаризмом и др.

Поскольку Первый Съезд народных депутатов России собрался в условиях назревающей, а затем и совершающейся революции (или контрреволюции – в зависимости от политических убеждений исследователя), в известном смысле можно утверждать, что он был обреченным парламентом, и хорошо уже, что не стал парламентом обреченных.

Напомню: в обычных условиях парламент является одним из механизмов легитимации (и тем самым разрешения) конфликтов. Не лишена оснований формула: чем больше дискуссий в парламенте, тем меньше на улице схваток с применением насилия. Однако один из историко-ситуационных законов революции состоит как раз в том, что в ее условиях обычные законы и правила действуют наоборот. В частности, парламент из механизма легитимации конфликтов превращается в средство их эскалации. Так было в Англии в середине XVII века, во Франции – в конце XVIII, в России в 1906 и отчасти в 1917 гг. В 1990-93 гг. история повторилась – и вновь в виде трагедии.

В этом зале много говорили о соглашении в Беловежской пуще, которое было ратифицировано Верховным Советом России. Рискну пойти дальше и напомнить, что колоссальную роль в эскалации так называемой второй русской революции сыграла Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г. Я не голосовал за эту Декларацию, поскольку ее пятый пункт утверждал верховенство законов России по отношению к законам СССР. В более спокойных условиях это могло означать принципиальное изменение государственного устройства путем перехода от федерации к конфедерации. В условиях же нарастающей революции любому неидеологизированному эксперту было очевидно, что Декларация вызовет последствия двоякого рода:

во-первых, принятие аналогичных решений другими союзными республиками СССР – а это означает развал Союза;

во-вторых, принятие однотипных документов автономиями в составе РСФСР – а это уже угроза разрушения самой Российской Федерации.

Кстати, многие депутаты полагали и полагают, что, голосуя за Декларацию, они исполняли волю своих избирателей. Однако, на мой взгляд, это подмена тезиса. Значительное большинство населения РСФСР в тот период действительно хотели, чтобы республика приобрела большую самостоятельность в рамках Союза. Однако если бы им честно объяснили, что речь идет о ликвидации этого Союза, значительная часть российских сепаратистов просто не была бы избрана в парламент. Нельзя забывать, что воля народа к сохранению Союза была выражена на референдуме 17 марта 1991 г., т.е. через девять месяцев после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР и менее чем за девять месяцев до Беловежской пущи.

В этом зале мы слышали оды Конституции 1993 г. как осуществлению мечты выдающихся российских юристов (К. Кавелина, Б. Чичерина, Б. Кистяковского и др.). Однако если бы эти юристы могли знать, что ценою принятия Конституции в одной отдельно взятой части бывшей Великой России станет потеря трети территории и превращение в иностранцев 30 млн. русских, они, наверное, сломали бы себе перья и откусили языки!

Некоторые выступавшие коллеги утверждали, что в 1993 г. альтернативы силовому решению конфликта между президентом и парламентом не существовало. В переводе это означает оправдание со стороны бывших демократов расстрела парламента на глазах всего мира. Действительно, с 10 декабря 1992 г. по 4 октября 1993 г. Россия пережила второй период двоевластия (первый связан с противостоянием союзной и российской

властей). Однако каждому мало-мальски политически грамотному эксперту известно, что из двоевластия есть два выхода:

1) одновременные досрочные выборы – именно такое решение, в конце концов, принял расстрелянный X Съезд народных депутатов России;

2) государственный переворот - именно так квалифицировал Указ Президента Б. Ельцина № 1400 и его последующие действия Конституционный суд России. Когда «певцы» Конституции оправдывают государственный переворот – это выглядит более чем странно.

В свое время я был убежденным противником Конституции 1993 г. и не раз заявлял, что всю ее можно было бы изложить в двух статьях:

Статья 1. Президент всегда прав.

Статья 2. Если Президент не прав, см. статью 1.

Однако ирония истории такова, что с недавнего времени противникам Конституции приходится ее защищать. Во всяком случае, когда голосовались поправки о продлении срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы, против выступила именно фракция КПРФ. Понятно, что эти поправки усиливают и без того чрезмерную концентрацию полномочий в руках президента. Помимо этого, выступая в парламенте, мне не раз доводилось актуализировать популярный лозунг советских диссидентов: соблюдайте хоть вашу собственную Конституцию!

Это не означает, что я превратился в сторонника действующей Конституции. Просто в реальной исторической ситуации приходится преимущественно выступать противником ее ухудшения, поскольку при данном раскладе сил в парламенте улучшение стало практически невозможным.

Подведем теперь некоторые итоги революционных и постреволюционных перемен в последние 20 лет. И поскольку действующая Конституция, в соответствии с современными гуманистическими нормами, высшей целью общественного развития объявляет человека, проще всего сделать это, используя международные данные о развитии человеческого потенциала.

С начала 1990-х годов Программа развития ООН публикует доклады о развитии человеческого потенциала в различных государствах мира. И если открыть эти доклады, легко убедиться: российские показатели человеческого развития по сравнению с другими странами и, соответственно, рейтинг России по этим показателям в мире в целом падают.

Международные измерения человеческого потенциала в советский период автору не известны, но есть основания полагать, что если бы они проводились, страна оказалась бы в лидирующей группе – скорее всего, вошла бы в десятку лучших⁴. Косвенным подтверждением служит тот факт, что в кризисных 1991-1992 гг. Россия заняла по индексу человеческого развития 34 место в мире⁵ – так велик был запас прочности, а уже

⁴ По мнению руководителя Центра «Человеческий и социальный капитал» Федерального института развития образования» М.Б. Зыкова, хотя ИРЧП начал рассчитываться только в 1990 г., данные за предыдущие годы могут быть получены путём применения математических расчётов с помощью следующих показателей, опубликованных в «Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 1999 год» (М.: Права человека, 1999): средняя продолжительность жизни граждан в СССР в 1987 г. составляла 70,2 года; коэффициент суммарной рождаемости в России в 1970 г. был 1,88; по показателям смертности и продолжительности жизни СССР ещё в начале 1970-х гг. вполне мог конкурировать с большинством промышленных стран. При расчётах подушевого дохода (от деления суммарного ВВП на количество жителей страны) стоит помнить, что бюджет СССР на 85% был военным. Следовательно, 15% было достаточно, чтобы решать все социальные проблемы населения в 280 млн. человек.

⁵ Отчет по человеческому развитию 1994. Нью-Йорк: ПРООН, 1994. – С. 129-131

в 1995 г. опустилась на 72 место в мире⁶. При этом в 1999 г. (следующем после «второго издания кризиса» в 1998 г.) страна по ИРЧП заняла 55 место⁷.

А затем происходит «экономическое чудо наоборот». Достигнув в 1998 г. дна кризисной пропасти, с 1999 г. до середины 2008 г. страна переживала экономический рост – в основном нефтегазовый. В денежном выражении экономика прибавляла в среднем по 6-7% в год. Начиная с 2001 г., доходы бюджета страны превосходили его расходы, причём на астрономические суммы. А по человеческому развитию РФ всё больше отставала от других государств. В 2004 г. Россия по этому показателю опустилась на 65 место в мире⁸, в 2005 г. – на 67⁹, а в 2007 г. – на 71¹⁰.

Заметим: в 2004 г. 64 место по ИРЧП, т.е. место, предшествующее России, занимала Ливийская Арабская Джамахирия. В 2005 г. она оказалась на 56-м месте, т.е. на 11 мест впереди. В 2007 г. – на 55-м, т.е. обошла РФ уже на 16 мест. В этой связи, выступая в Госдуме, я предлагал коллегам-депутатам отказаться от хрущевского лозунга «Догнать и перегнать Америку» и заменить его другим: «Догнать и перегнать Джамахирию!»

Что касается слагаемых индекса человеческого развития, то картина выглядит следующим образом.

**Показатели России в международных исследованиях
по развитию человеческого потенциала¹¹**

Годы	Благосостояние		Долголетие		Образование	
	ВВП на душу населения	Место	Индекс	Место	Индекс	Место
1992	\$ 6140	51	0,71	90	0,89	36
1999	\$ 7473	55	0,69	98	0,92	29
2004	\$ 9902	55	0,67	114	0,95	15
2005	\$ 10 845	56	0,67	119	0,96	26
2007	\$ 14 690	56	0,69	124	0,93	41

Между прочим, даже М. Зурабов на пленарном заседании Госдумы 23 марта 2007 г. прямо связал низкую продолжительность жизни в России с уровнем бюджетных расходов. Цитирую: *«В последнее время мне достаточно часто приходится слышать вопросом о том, достаточно ли средств выделяется на финансирование государственных гарантий... бесплатной медицинской помощи в Российской Федерации. Должен вам сказать абсолютно ответственно, что средств достаточно, если мы предполагаем, что мужчина... будет доживать до 59 лет. Но если... в качестве одного из приоритетов будет сформулирована задача существенного увеличения продолжительности жизни..., то... это другие объемы финансирования».*

В начале 1990-х одним из объяснений происходивших множественных катастроф было следующее: мы обменяли «социальную колбасу» на политическую свободу. Однако, согласно докладу Freedom House, опубликованному 29 апреля 2010 г., по уровню свободы прессы Россия оказалась на 175-м месте из 196. По индексу же восприятия коррупции,

⁶ Доклад о развитии человека за 1998 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 1998. – С. 130-132

⁷ Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144

⁸ Доклад о развитии человека 2006. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-286

⁹ Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 229-233.

¹⁰ Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – С. 172

¹¹ Подготовлено на основе материалов: Отчет по человеческому развитию 1994. Нью-Йорк, ПРООН, 1994. – С. 129-131; Доклад о развитии человека за 1995 год. Нью-Йорк Оксфорд: «Оксфорд юниверсити пресс», 1995. – С. 155-157; Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк Оксфорд: Оксфорд юниверсити пресс, 2001. – С. 141-144; Доклад о развитии человека 2006. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-286; Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – С. 229-233; Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – С. 171-174

согласно рейтингу Transparency International – на 146-м из 180 возможных. Естественно, возникает вопрос: стоило ли утратить так много «социальной колбасы», чтобы получить так мало политической свободы? На мой взгляд, в настоящее время в России политической свободы значительно больше, чем было при Брежнев, однако значительно меньше, чем при Горбачеве.

В заключение позволю себе одну сентенцию политико-морального характера. Как известно, людям свойственно ошибаться. В период же революций, когда прогнозируемость общественных процессов резко снижается, - свойственно вдвойне. Однако незнание законов истории точно так же не освобождает политика от исторической ответственности, как незнание Уголовного или Административного кодексов не избавляет гражданина от ответственности юридической.

Что же касается межчеловеческих отношений, позволю себе воспользоваться формулой известной и многими любимой песни:

Мы друзей за ошибки прощали,
Лишь измены простить не могли.

Позвольте же мне пожелать всем народным депутатам России встретиться 20 лет спустя в таком же составе при гораздо большем пространстве политической свободы и несравненно большем количестве «социальной колбасы».

Народный депутат России 1990-1993гг., депутат Государственной Думы Олег Смолин